

Цяо Сюлянь выглядела так, словно увидела спасительную соломинку, использовала все свои силы, чтобы вырваться из хватки Цзянь Тан, и быстро побежала открывать дверь. В тот момент, когда она увидела Линь Суйчжоу за дверью, слезы хлынули из ее глаз неудержимым водопадом. Она потянулась к нему, крепко схватила Линь Суйчжоу за сильную руку и пожаловалась слезливым голосом:

— Суйчжоу, ты должен что-то сделать со своей женой!

Линь Суйчжоу, который только вошел, был немного обескуражен. Держа Чуи за руку, он тихо спросил:

— Что случилось? Как ты нашла это место?

Цяо Сюлянь специально подняла голову, чтобы Линь Суйчжоу мог ясно видеть ее щеки, по которым ударили, и пожаловалась ему:

— Я пришла, чтобы убедить Цзянь Тан вернуться домой. Она не только отказалась вернуться, но и ударила меня! Ты посмотри, посмотри, что она со мной сделала!

Тем временем Цяо Сюлянь приблизила к нему свое лицо.

Цзянь Тан коснулась своего горящего лица и бросила на нее косой взгляд, наполненный насмешкой и холодом.

Линь Суйчжоу бесстрастно отступил назад, в то время как другая его рука потянула Чуи, чтобы спрятать его за собой.

Он повернул голову, чтобы сказать ему:

— Чуи, ступай в свою комнату.

Чуи понимающе кивнул, посмотрел прямо на Цяо Сюлянь и пошел в свою комнату.

— Почему моя жизнь так несчастна? — Цяо Сюлянь не могла перестать плакать: — Ее отец бросил ее, потому что она была обузой, и сбежал с другой женщиной, когда она была маленькой. Мне пришлось пережить все трудности, чтобы обеспечить ее. Ничего страшного, если она не хочет отплатить мне за то, что я ее вырастила, но она зашла настолько далеко, что ударила меня! Хочет, чтобы я умерла! Хочет, чтобы я повесилась!

Цзянь Тан по-прежнему молчала.

Взгляд Линь Суйчжоу упал на пеньковую веревку на столе; он несколько секунд смотрел на нее, затем отвел глаза.

Линь Суйчжоу усадил Цяо Сюлянь на диван, налил стакан воды и протянул ей:

— Выпей для начала немного воды.

— Какое мне может быть дело до воды! — Цяо Сюлянь отодвинула от себя стакан в руке Линь Суйчжоу: — Теперь бизнес идет медленно, немногие клиенты приходят посетить зал маджонга, который я открыла в эти дни, и есть люди, которые приходят требовать долги каждый день. Изначально я хотела приехать в поисках убежища у своей дочери, но я никак не ожидала...

Чем больше Цяо Сюлянь говорила, тем больше чувствовала обиду, и слезы продолжали течь не переставая.

Линь Суйчжоу достал для нее салфетку и сказал ровным и спокойным тоном:

— Сколько ты должна?

— Немного, всего лишь... несколько сотен тысяч.

Ничего не говоря, он достал кошелек, вытащил банковскую карточку и протянул ее:

— На ней шестьсот тысяч, пароль - день рождения Цяньцзянь.

Глаза Цяо Сюлянь загорелись, и она приняла выданное с радостью. Она посмотрела на Цзянь Тан, ее глаза были полны гордости.

В следующую секунду Цяо Сюлянь осторожно спросила:

— День рождения Цяньцзянь - это..?

Линь Суйчжоу нахмурился, он казался беспомощным и недовольным.

Когда он уже собирался открыть рот, внезапно появившаяся пара рук выхватила банковскую карточку.

Цзянь Тан посмотрела на карточку, чувствуя, что та знакома ей, и, наконец, вспомнила, что это была карточка, которую не так давно Линь Суйчжоу давал ей.

Она усмехнулась и подняла голову:

— Раньше я ее не хотела, но сейчас передумала.

— Суйчжоу дал карточку мне, верни ее! — встревожилась Цяо Сюлянь, увидев, что деньги из ее рук исчезли. Она быстро встала, чтобы выхватить ее обратно. Тем не менее, она была ниже Цзянь Тан, как бы она ни пыталась схватить ее, она не могла дотронуться до кончиков ее пальцев.

Цяо Сюлянь нетерпеливо посмотрела на нее:

— Верни мне ее!

— Цзянь Тан, не создавай проблем, — голос Линь Суйчжоу был мягок, — все, что у меня есть, твое. Тебе не нужно вести себя так и выставлять свое лицо в плохом свете из-за такой мелочи.

Говоря о лице, Линь Суйчжоу обнаружил, что половина лица Цзянь Тан распухла, а под глазами появилось кровавое пятно, которое было очень заметным.

Его взгляд отличался от того, каким он был раньше; его глаза отражали холод. Линь Суйчжоу спросил:

— Что случилось с твоим лицом?

Спина Цяо Сюлянь напряглась, и она не осмелилась вымолвить ни слова.

Цзянь Тан не ответила. Она наклонилась, чтобы вынуть кошелек из кармана Линь Суйчжоу и засунула карточку обратно, затем посмотрела на Цяо Сюлянь:

— Она ударила.

— Ты, если бы ты только не спорила со мной, ударила бы я тебя? Более того, я родила тебя, вырастила тебя, что плохого в том, что я дала тебе пощечину?! Ты неблагодарная дочь! — думая о деньгах, которые ускользнули от нее, гнев Цяо Сюлянь усилился. Она огляделась, взяла пепельницу со стола и бросила ее в Цзянь Тан.

Линь Суйчжоу одной рукой закрыл Цзянь Тан, а другой блокировал летящий предмет.

Бум!

Пепельница с силой врезалась в его руку и с громким звуком упала на землю.

Его кость повредилась от удара, а кожа сразу же покраснела.

Однако Линь Суйчжоу это не волновало. Он тряхнул онемевшим запястьем и поднял глаза, чтобы спросить Цзянь Тан:

— Ты в порядке?

— Раз ты родила меня, вырастила меня, ты считаешь нормальным бить меня или даже убить меня?

Цяо Сюлянь изначально хотела напугать Цзянь Тан, хотела запугать ее силой, но она не хотела причинять боль Линь Суйчжоу. Было бы чудесно, если бы она действительно попала в цель. В конце концов, она ее дочь. Даже если ее зять рассердится, он ничего ей не сделает, но Цяо Сюлянь не ожидала, что он поможет Цзянь Тан защититься...

— Ты, ты совершила ошибку, конечно, я должна была за это ударить тебя, — Цяо Сюлянь не могла не смотреть на Линь Суйчжоу, говоря это.

Линь Суйчжоу молчал, его глаза были темными и в них мерцали огоньки, и она не знала, о чем он думает. Цяо Сюлянь была немного взволнована и не могла не опустить голову.

— До того, как Цзянь Тан вышла замуж, она была твоей дочерью. Даже если бы ты ударила ее, я не мог бы контролировать это, — сказал он спокойным тоном, — но теперь Тантан - моя жена и мать моих детей. Ты ударила мою жену у меня на глазах, это непростительно.

Раньше он называл ее «Ма», но теперь даже пренебрёг вежливым словом «ты», должно быть, он действительно разозлился.

П.п.: Слово «ты» в китайском 你 (nǐ) является неформальным, в отличие от вежливого 您 (nín). Линь Суйчжоу использовал «nín», когда разговаривал с Цяо Сюлянь, чтобы выразить свое уважение.

Цяо Сюлянь была очень встревожена и беспокойно сжимала свою рубашку. Только что она была очень зла, но теперь, не говоря уже о том, чтобы показывать свои вальяжные манеры, она даже не осмеливалась громко выдохнуть.

— Я не это имела в виду...

— Извинись перед моей женой.

Это был приказной тон.

Глаза, которые смотрели на Цяо Сюлянь, были холодными, как лед, и очень страшными.

Цяо Сюлянь зажмурила глаза, ее губы слегка шевельнулись, а слова были едва слышны:

— П-п-прости.

Линь Суйчжоу снова достал кошелек, протянул ей карточку и записку с написанным паролем:

— Мне все равно, реальны ли твои долги или нет, но денег здесь для тебя достаточно. Если же прибавить деньги, которые ты получила раньше, тебе без проблем хватит на всю оставшуюся жизнь.

Цяо Сюлянь боялась, что ее деньги снова исчезнут, она быстро взяла их и бережно, словно ребенка, положила в самый глубокий карман своей одежды.

Линь Суйчжоу продолжил:

— Цзянь Тан переехала сюда не просто так. Я не хочу, чтобы ты беспокоила жизнь моей жены и детей, поняла?

— Поняла, поняла, — снова и снова кивала Цяо Сюлянь, — я больше не приду. Ни в коем случае.

После этого Цяо Сюлянь вышла, она была довольна. Перед уходом она пробормотала в адрес Цзянь Тан:

— Белоглазая волчица.

Хлоп.

Дверь захлопнулась.

Наступила тишина.

Цзянь Тан посмотрела на Линь Суйчжоу. Его спокойное выражение лица расстроило ее еще больше. Она подняла ногу, чтобы пнуть его по икре, и спросила:

— Почему ты дал ей деньги? Она кровопийца. Ты дал ей их сегодня, но она вернется, чтобы получить денег снова в следующий раз!

Линь Суйчжоу отряхнул грязь со своей ноги и сказал ровным тоном:

— У твоей матери - личность мерзкого торгаша на рынке, такой человек не заботится о самоуважении. Она может сделать все что угодно ради собственной выгоды. Сегодня я ясно дал ей понять, что если она будет немного умнее, то воспользуется деньгами и будет жить в свое удовольствие.

— А что если она придет снова?

Линь Суйчжоу приподнял брови, скривил уголок рта:

— Бизнес не благотворительность.

Он встал, и его высокая фигура полностью закрыла Цзянь Тан. Это действие Линь Суйчжоу заставило ее чувствовать напряжение, и она не могла не сделать два осторожных шага назад.

Рука внезапно схватила Цзянь Тан за подбородок, вынуждая ее посмотреть ему в глаза.

Ее фигура отражалась в его зрачках.

Кончики мужских пальцев нежно скользнули по ране на ее лице. Насыщенный цвет его глаз не позволял Цзянь Тан четко видеть его намерения:

— Ты худшая деловая сделка... которую я когда-либо заключал.

Цзянь Тан нахмурилась и оттолкнула его. Она повернулась и пошла промывать рану.

Линь Суйчжоу вспомнил:

— Мне нужно идти. Если ты не занята, возьми Чуи, чтобы навестить Цяньцянь и Ляншэня.

Цзянь Тан откровенно сказала:

— Неужели я слишком свободна для того, чтобы искать себе проблемы?

Он улыбнулся и подошел, чтобы сильно ущипнуть ее за талию:

— Ты - мать. Как ты все еще можешь сердиться на своих детей?

Тело Цзянь Тан было очень чувствительно, в особенности ее талия. В прошлом у нее сразу же мурашки пробегали по коже, когда кто-то прикасался к ней. Она неловко оттолкнула Линь Суйчжоу и наложила пластырь перед зеркалом. Хотя рана была неглубокой, она все еще беспокоилась о том, что может остаться шрам.

— Что плохого в том, чтобы быть матерью? Быть матерью не означает, что она должна быть свечой, сжигающей себя, дабы дать свет другим, или же быть матерью, чтобы быть коровой и домом. Могу ли я быть менее вспыльчивой? Твои дети так обращались со мной до этого, и я не видела, чтобы ты им что-то говорил, а теперь ты отчитываешь меня.

Она была словно пулемет, только произнесла слово, она тут же выстреливала десятком других.

Линь Суйчжоу беспомощно вздохнул:

— Я чувствую, что ты словно стала другим человеком.

Цзянь Тан в прошлом не стала бы так много говорить и избегала бы его двадцать четыре часа в сутки. Даже в постели она вела себя так, словно ее насильовали, с лицом, полным унижения. Хотя Цзянь Тан сейчас тоже очень неохотно выражает свой гнев и радость, но ему это очень нравится.

Приклеив пластырь, Цзянь Тан посмотрела на Линь Суйчжоу через зеркало. Она сказала полушутя-полусерьезно:

— Что, если я скажу, что действительно стала другим человеком?

Он на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Ты все еще не сможешь уйти, — он добавил: — Даже если ты являешься кем-то другим, теперь ты моя жена, мать моих детей.

Похоже, дело во второй половине.

Цзянь Тан этого не понимала. В мире так много прекрасных цветов, почему он должен растить ее, дикую шипастую розу? Пусть она и прекрасна, она все еще может навредить людям.

Она так подумала и прямо спросила его об этом.

Линь Суйчжоу ответил:

— Я - преданный человек (чукун).

П.п.: 控制 (Chu Kong) означает контроль, но также означает преданного человека на сленге, так что я предполагаю, что он, вероятно, имеет в виду, что он преданный? Контроль: от японского «コン (con)», берущего начальный звук complex (комплекс), относящийся к человеку, которому что-то чрезвычайно нравится, и то, что вам нравится, должно быть названо перед словом «контроль».

Цзянь Тан: «?!»

Тон мужчины был безмятежным:

— Кто бы ни забрал мой первый раз, я должен буду быть с этим человеком всю оставшуюся жизнь.

Цзянь Тан: «?!»

Черт возьми, в смысле преданный? Одни лишь призраки поверят в это.

Цзянь Тан повернулась и подняла лицо на Линь Суйчжоу:

— Я тоже хочу тебе кое-что сказать.

«...»

Она улыбнулась и сказала:

— Я скорее поверю, что свинья может взобраться на дерево, чем в слова человека.

«...»

Как только она обернулась, Цзянь Тан увидела, что Чуи тихо прячется за стеной, показывая только свою маленькую голову и большие темные глаза, смотрящие на них с любопытством.

Эти слова не подходят для того, чтобы дети их услышали, правда?

Тело Цзянь Тан напряглось, она долго смотрела на Чуи в оцепенении.

Чуи посмотрел на Линь Суйчжоу и спросил его своим юным голосом:

— Папа, что такое чукун (управление)?

— Сенсорное управление экраном телефона, — сказал он, — это сокращенная форма.

Цзянь Тан: «...»

Чуи склонил голову, выглядя озадаченным.

Линь Суйчжоу ласково погладил маленькую головку сына и посетовал:

- Что-то не так с сенсорным экраном мобильного телефона папы, поэтому твоя мама попросила папу заменить его, но этот мобильный телефон был самым первым у папы, и он имеет большую ценность для меня. Как я могу его заменить?

Чуи кивнул и серьезно сказал:

— Если папе он нравится, то не надо.

Он мягко улыбнулся и удовлетворенно погладил сына по голове:

— Чуи очень умный.

Затем он повернулся и посмотрел на нее укоряющим взглядом:

— Мама совсем не понимает папу.

Чуи также сказал:

— Мама, хотя наша семья богата, не стоит тратить деньги впустую.

«...»

«...»

«...»

«Я верю в твою порочность».